

Труды Питтсбургского симпозиума по степной преистории

Hanks B. K. and Linduff K. M. (eds.). Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 438 p.

В 2009 г. вышел сборник работ международного симпозиума 2006 г. в Питтсбурге (США, штат Пенсильвания) по степной преистории Евразии. Сборник вышел под редакцией питтсбургских археологов Брайана Хэнкса и Катерин Линдафф (Hanks and Linduff 2009). Он назван «Социальная сложность в преистории Евразии: памятники, металлы и мобильность». Этим названием составители подчеркивают, что не собираются ограничиваться источниковедческими задачами археологии (типологией, хронологией, картографией), а поднимают проблемы социальной интерпретации, иными словами (в моем понимании) — проблемы преистории. «Социальная сложность» звучит для русского уха несколько непонятно. Имеется в виду социальная структура обществ, социальные связи и деления в их историческом развитии. Многие авторы постоянно повторяют, что они отошли от неозолюционистских трактовок, что введенные неозолюционистами термины «племя» и «вождество» устарели и в них авторы не чувствуют нужды, что институции и соотношения, выявляемые в степных обществах, сложнее и разнообразнее и требуют более тонкого анализа нюансов.

В предисловии Колин Ренфрю справедливо указывает, что открытие территории бывшего Советского Союза, Китая и Монголии для представителей мировой науки резко изменило знания археологов Запада о степной Евразии и, внеся на эту территорию методы и концепции мировой науки, изменило саму картину прошлого этих земель и смежных с ними. Ренфрю назвал свое предисловие «От мифов к методам». В этом выражении содержится и оценка сборника — очень высокая. Многие построения недавнего прошлого археологии выглядят ныне как мифология, но можно ли принять предложенные подходы как образец методического совершенства, способного устранить мифы?

Составители сборника приложили усилия к тому, чтобы труды симпозиума могли фигурировать не как сборник, а как книга, написанная коллективом авторов. Для этого они назвали доклады участников не статьями, а главами и, разбив весь том на четыре части, каждой части предпослали введение, в котором специально подобранный автор излагает суть части и место подведомственных глав в структуре книги. Но, как это часто бывает, каждый из авторов введений просто кратко пересказывает последующие 3–5 глав и в лучшем случае добавляет несколько своих предложений теоретического плана. Так что

получилась все-таки не книга, а сборник, и стесняться этого незачем. Сборник достаточно интересный и по охвату материала новаторский. Новаторский он также по внедрению некоторых новых естественнонаучных методов, но в археологической методике скорее видны не прорывы, а потери.

Из российских авторов в сборнике участвуют Е. Н. Черных (Москва) и Л. Н. Корякова с А. В. Епимаховым (Южно-Уральский университет), причем Корякова — только своим предисловием к первой части сборника. Кроме них в сборнике участвуют трое китайцев (все — из одного пекинского института по истории металлургии), один монгол, один израильтянин и один англичанин, который дал предисловие к сборнику. Остальные 14 авторов — американцы. Многие авторитетные исследователи затронутых территорий из России, Украины и Молдавии привлечены не были, отсутствуют и ссылки на их работы.

Четыре части сборника таковы: 1) Framing complexity — «вписывание сложности в рамки», т. е. рассмотрение социальных структур степей в контексте всей Евразии; 2) Рудное дело, металлургия и торговля; 3) Динамика границ и пограничья; 4) Власть, монументальные сооружения и мобильность.

В первой части — 4 статьи. Из них я остановлюсь на двух. В статье Дэвида Энтони «Генезис Синташты: Роль климатических изменений, военных обстоятельств и дальней торговли» автор рисует происхождение синташтинской культуры. По Энтони, она сложилась из смешения абашевской и полтавкинской. Под воздействием ухудшения климата (суббореальное усущение и похолодание) население стало стекаться в наиболее удобные районы (преимущественно зимники) и оседать там, возникли военные столкновения за землю. Энтони приводит ряд цифр, показывающих, что большинство мужского населения погребалось с оружием. Он также считает, что колесницы были безусловно военного назначения (аргументы: несколько ездовых, большей частью оружие в них, псалии для жесткого контроля над лошадей). Приуральские колесницы, по мнению Энтони, старше ближневосточных, так что заимствование шло с севера на юг. А металл, укрепления и текстильные орнаменты пришли из Средней Азии — из БМАК.

Это интересная концепция. Ее утверждению препятствует то, что часть исследователей, опираясь на радиоуглеродные даты, считает абашевскую культуру синхронной с культурой Синташты (это отмечается в следующих за статьей Энтони статьях А. В. Епимахова и Е. Н. Черных), а те, кто не вполне доверяют радиоуглеродному датированию, сомневаются и в том, что синташтинские колесницы старше ближневосточных.

Хорошо известный русскому читателю американский археолог-марксист Филип Кол занялся феноменом Майкопа. Его статья называется «Майкопская уникальность: неадекватное накопление богатств в Евразийской степи бронзового века». Он исходит из самой ранней (радиоуглеродной) датировки Майкопа — второй четвертью IV тысячелетия до н. э., временем, переходным от Обейда к Уруку в Месопотамии. Андреева увязала керамику Майкопа с керамикой Амука F и Гавра XII–IX. Трифонов выводит Новосвободную из Арслантепе и Коручутепе. Признавая синкретизм культуры Майкопа (пришлый компонент с юга плюс местные корни), Кол считает возможным несколько усилить подвижность этой культуры. Наличие свиньи в стаде он не считает важным показателем оседлости: мы принимаем современных домашних свиней за эталон,

а древние были гораздо мобильнее: хетты называли кашков «номадами-свинопасами». Если взять Мешоко и другие поселения, то получается обычная степная культура, в которой не было собственной экономической базы для царской роскоши майкопских владык. Определяющей для Майкопа Кол считает его связь с Уруком, а гибель майкопской культуры объясняет тем, что распространение Кура-Аракской культуры отрезало Майкоп от связей с Уруком.

Это все звучит очень резонно, но здесь не учтен безусловно доказанный А. Л. Резепкиным вклад центральноевропейских мигрантов в культуру Новосвободной, который нарушил исключительную ориентацию Майкопа на юг и придал культуре иное развитие. Е. Н. Черных в упоминаемой далее статье также останавливается на феномене Майкопа, и его анализ во многом совпадает с анализом Кола. Он рассматривает Майкоп как связанный с северной экспансией Урука, но при этом отмечает, что эта экспансия как раз бедна металлом!

Часть вторая, посвященная металлургии и всему, что с ней связано, состоит из пяти статей. Интерес питтсбургских археологов к этой теме понятен: Питтсбург — это важный металлургический центр США, столица Меллонов и Карнеги. Но все же в этой части преобладают статьи китайских и русских археологов, а тон всему разделу задает большая статья Е. Н. Черных «Формирование культур степного пояса Евразии, рассмотренное через призму археометаллургии и радиоуглеродного датирования». Он излагает здесь (с дополнительной детализацией) свою концепцию провинций металлургии и металлообработки и находит в ней место для степных культур Евразии как передаточного звена в трансляции металлургии из Средиземноморья и прилегающих стран Европы на восток Азии.

По Черных, сначала в Европе сформировалась под влиянием с Ближнего Востока карпато-балканская металлургическая провинция, к которой принадлежал и трипольский блок культур и под воздействием которой формировался степной блок. Затем ее стала теснить циркумпонтийская провинция, зародившаяся к югу от Кавказа и распространившаяся на все страны вокруг Черного моря. В ней два блока культур — южный оседло-земледельческий и северный курганный. Сразу же замечу, что при всей фундированности и проработанности концепции Черных в ней есть слабые звенья. Пока Черных показывает распространение металла, металлических форм и приемов работы, все держится отлично, но, как только он переходит к наполнению своей концепции культурной тканью, она распадается. Нет массива культур циркумпонтийской провинции, есть только район распространения металлических форм и знаний. И то связи здесь вряд ли были прямыми. Всякая культура очень разнородна по происхождению. Металл может быть из одного источника, керамика из другого, язык — из третьего. В этом вся трудность исторической интерпретации археологических материалов.

В работе Черных содержится внушительная подборка сводок радиоуглеродных дат по культурам. Для интересующихся этой темой — великолепный справочный материал. Но его безоговорочное применение вызывает некоторые сомнения даже после калибровки радиоуглеродных дат по дендрохронологии. Во-первых, согласование радиоуглеродных дат с дендрохронологией все еще не завершено. Во-вторых, постоянно обнаруживаются те или иные искажающие эффекты, которые приходится то и дело вносить в хронологические

системы, причем некоторые эффекты носят локальный характер (резервуарные эффекты, океанский и пресноводный). Поэтому все же надежнее считается работать в системе относительной хронологии, а абсолютные даты использовать осторожно и с оговорками.

Ямная культура у Черных старше катакомбной общности, но он приходит к выводу, что в течение 27–21 вв., т. е. почти в течение всего III тысячелетия, до н. э. они сосуществовали. По радиоуглероду получается так. Проблема сосуществования обеих культурных общностей — старая, но сосуществование их всегда рассматривалось как краткий и локальный эпизод (ямная культура переживала на окраинах, теснимая катакомбными культурами), только С. Ж. Пустовалов (1995; 2000; 2005) выдвинул это сосуществование на первый план как важный фактор преистории, формирующий кастовую систему (ямники становились низшей кастой). Это, однако, не было принято коллегами, так как стратиграфия неизменно давала перекрывание ямных погребений катакомбными. Поэтому либо нужно предположить, что взаимоналожение кривых получается за счет предусмотренного статистикой разброса, либо культуры некоторое время сосуществовали на смежных территориях с колеблющимися границами.

Для времени между 22-м и 18-м вв. до н. э. Черных рисует два крупных движения в Евразии: одно — по лесостепи с запада на восток, это абашевская, синатшинская и петровская культуры, расположенные широтно, а другое — по югу лесной полосы с востока на запад, это сейминско-турбинская культура, памятники которой разбросаны узкой полосой от Алтая до Прибалтики. Черных поясняет, что первые три культуры по радиоуглероду одновременны, а типологически трудно найти резкие границы между абашевской культурой и культурой Синташты, между культурой Синташты и культурой Петровки. Выведение синташты из абашева совпадает с идеей Энтони, но для доказательства идеи продвижения с запада нужно было бы показать некоторое опережение в датах абашева по сравнению с синташтой, а синташты — по сравнению с петровкой, чего у Черных нет. Военизацию Синташты Черных объясняет необходимостью отражать сейминско-турбинское нашествие, но его карта показывает, что оба движения шли по смежным полосам и мало задевали друг друга. Скорее милитаризацию синташты можно было бы объяснить конкуренцией синташтинских общин за лучшие пастбища, что и делает Энтони, или за скот, рудные залежи и т. п., а также угрозой с юга, от степных племен.

Стабилизацию Черных находит только в последующую эпоху — срубно-андроновскую. Кстати, по традиционной датировке к ней (XVII в.) относилась и сейминско-турбинская культура, что мы видим в работах Е. Е. Кузьминой. Возможно, что придется сдвинуть привычные даты. Но датировка алакульской культуры, по сводке Черных, показывает, что закрывать весь разброс радиоуглеродных дат хронологическим диапазоном этой культуры было бы крайне непредусмотрительно. В отличие от другой андроновской культуры, а именно федоровской (2000–1200, а строже — 1700–1400), алакульская культура, с ее 47 датами, занимает на радиоуглеродной шкале три диапазона: 2500–2000, 1800–1500 и менее интенсивный 950–800. Ясно, что оба крайних диапазона нужно отбросить как обязанные каким-то искажающим эффектам, и вся хронология оказывается ближе к датам Кузьминой.

В статье «Поздне-преисторическое рудное дело, металлургия и социальная организация на севере Центральной Евразии» Брайан Хэнкс анализирует феномен Синташты в свете данных по металлургии этого района. Он считает, что предлагавшиеся трактовки (протогород, сложное вождество, теократическое общество) упрощают истинную картину, что нужно полнее учитывать микро-региональные условия. Это не избавляет, однако, от поисков общей характеристики общественного устройства, даже если оно разнообразно, не едино. В культуре Синташты он отмечает ряд парадоксов, ставящих вопросы перед исследователем. Так, много свидетельств большой роли военного фактора, но почти нет следов ранений на костяках. По расчетам, только треть населения погребена в курганах; а как хоронили остальных?

Китайская исследовательница Рубин Хан в соавторстве с Сяоченом Ли описывает металлические изделия и культуры позднего бронзового века на северном пограничье Китая. По их выводам, в период 1250 г. до н. э. — 220 г. н. э. культуры пограничья оказывали влияние не только на северные провинции Китая, но и на Центральную равнину и Юго-Западный Китай.

Другой китайский археолог Чжянчжун Мей (нынешний директор института истории металлургии, который ранее возглавляла Рубин Хан), основываясь на открытиях в Северо-Западном Китае, поместил в сборнике статью «Ранняя металлургия и социокультурная сложность». Он рассматривает культуры Кицзя (Qijia), Сиба и Тяньшаньбейлу и их параллели с культурами окуневской, сейминско-турбинской и андроновской. Разницу между использованием металла на северо-западе и в центральном Китае он видит в том, что на северо-западе металл использовали для орудий и оружия, тогда как в центральном Китае из него изготавливали ритуальные сосуды и заменяли металлом традиционный лазурит. Наконечник из Шенна (культура Кицзя) он рассматривает как аналог ростовкинскому, но более крупный и тупоконечный, что Чжянчжун Мей объясняет как свидетельство ритуального применения, тогда как ростовкинский оригинал был рабочим. Сложные ритуальные практики угадываются в знаменитом могильнике начала II тысячелетия до н. э. Сяохэ с естественно мумифицированными трупами. Там при женских могилах стоят врытые деревянные столбы, имитирующие пенис, а при мужских погребениях — изображения женских половых органов. Если учесть европеоидный облик погребенных и ряд черт, отсылающих к европейским культурам, то эта черта, которую автор оставляет без дальнейшего толкования, может быть связана с индоевропейскими сексуальными обрядами при погребениях, которые я анализировал применительно к катакомбным погребениям.

Статья Дэвида Питерсона «Производство и социальная сложность» рассматривает металлообработку бронзового века на Средней Волге. Как и Хэнкс, он отмечает загадки и парадоксы в культуре бронзового века. Металла, считает Питерсон, слишком мало, чтобы можно было полагать его необходимым для выживания, — как, скажем, скотоводство. Но, видимо, он был значим для социальной идентичности, в представлении людей он был связан с божеством и авторитетом, кузнецы считались волшебниками, шаманами. Питерсон показывает смену мышьяковистой бронзы оловянистой, анализирует изменения в микроструктуре металла и по этим изменениям восстанавливает технику обработки. Все это очень интересно, однако связь между производством

и «социальной сложностью» не прослежена. В большей степени автор озабочен опровержением неозволюционизма — он стремится показать, что не было прямолинейной и непрерывной эволюции ни производства, ни социальных структур, что сложным могло быть и пастушеское общество, а не только оседло-земледельческое, что периоды подъема и развития сменялись периодами упадка и возвращения к простым формам и структурам. Но ведь это в теории не отрицали и неозволюционисты. Особенно при климатических катастрофах и нашествиях отсталых соседей, которые часто имели военное преимущество.

Часть третья сборника посвящена границам и пограничью и динамике культурного развития на этих территориях. Здесь три статьи: израильтянина Гидеона Шелака и двух американских исследовательниц, Эммы Банкер и Лоры Поповой. Две статьи рассматривают ситуацию на границах Китая, одна — на северном пограничье культур европейской лесостепи.

Ситуацию на северном пограничье Китая рассматривает Гидеон Шелак в статье «Насилие на границах» с подзаголовком «Источники власти и социополитических изменений на крайнем востоке Евразийской степи в течение позднего II и раннего I тысячелетия до н. э.». Он задается вопросом, что привело к культурным изменениям в этих местах — насилие или развитие? Что здесь было — культурный континуум или смена населения? В первой половине XX в. доминирующим объяснением был гипердиффузионизм и европоцентризм (как у шведа Иоханна Гуннара Андерссона). Во второй половине века реакцией на это явилось полное отвержение вторжений и влияний, и эта тенденция еще наличествует в работах Яблонского и Линдафф. Но, в общем, теперь внешние воздействия не табуированы даже в китайской археологии. Меньшинство за миграции большого размаха (Фитцджералд-Хьюбер, Вань, Жу), но это представляется Шелаку неверным (а как же быть с могильником Сяохэ и его мумиями? Как быть с тохарскими языками в бассейне Тарима?). Во всяком случае, местные традиции здесь не прерывались, об этом свидетельствует наличие на всех этапах исконно китайских трехтуловных сосудов. Обычное объяснение перехода к пастушескому хозяйству — смена населения и ухудшение климата. Но одно лишь ухудшение климата не устраивает Шелака, нужны еще и контакты. Андроновы и карасуки не могут быть первоисточниками инноваций, поскольку это не ранняя фаза развития. Шелак подумывает о сейминско-турбинском влиянии 15–14-го вв.

Фактическая база Шелака — анализ трех могильников, который должен показать, что престиж (отраженный в богатстве) был связан с военными символами. Я показывал это еще в 1967 г. и уточнял, что не со всеми (Клейн 1967). Погребение подростка, раненого и снабженного оружием и символами престижа, говорит о наследственной элите.

Эмма Банкер в статье «Артефакты Бейфаня как исторические документы» ставит вопрос о необходимости «декодировать» предметы искусства пастушеских народов китайского северного пограничья (по-китайски Бейфаня) как документы истории. Но конкретных методов «декодирования» и результатов его не предложено. Она описывает порайонно предметы изобразительного искусства с точки зрения их сюжетов и определяет, какие местные животные изображены. Сделан лишь вывод, что звериных стилей на этой территории было несколько, а не один, что, однако, тоже четко не доказано.

Лора Попова переносит нас далеко на запад. В статье «Размывание границ: собиратели и пастушеское население в Волго-Уральском регионе» она занимается северными границами пастушеских культур, контактами их с лесными собирателями. Те и другие в российской археологии относились к разным разделам, разным категориям и никогда не рассматривались вместе. Каждая рассматривалась как чистая и гомогенная. Попова свела их вместе и постаралась уловить их взаимодействие. В пограничье она увидела взаимопроникновение экономических укладов. Но средством этого анализа служит только картография местонахождений Самарской области (в ее нынешних административных границах) по эпохам бронзового века. Этого мало для анализа взаимопроникновения экономик.

Последняя, четвертая часть сборника «Власть, монументальность и подвижность» содержит три статьи, и все три относятся к Монголии, к ее каменным сооружениям. Первая из этих статей написана американцами Уильямом Хоничерчем, Джошуа Райтом и монгольским археологом Чунагом Аратувшином. Статья называется «Переписывание монументальных ландшафтов как политический процесс Внутренней Азии». Под «монументальными ландшафтами» подразумеваются группировки памятников, в частности, каменных сооружений. Под «переписыванием» — их «перезапись» в памяти населения, то есть перестройки отношения последующих поколений к группам старых памятников.

Памятников этих в Монголии несколько категорий: 1) *киригсуры* — каменные курганы без погребений, обведенные прямоугольными оградками с отдельными кучками камней вокруг и костями животных под ними; 2) *плиточные могилы* — прямоугольные оградки из поставленных на ребро плит над погребениями людей; 3) *наклонные* погребальные выкладки — где камни лежат наклонно на могилке; 4) *оленные камни* — высокие стелы с изображениями оленей и посов; 5) *петроглифы*.

Указанные авторы сопоставили киригсуры с плиточными могилами и пришли к выводу, что эти категории памятников датируются по-разному (первые 1400–800 гг. до н. э., вторые 1100–400/300), хотя в своих диапазонах взаимоналагаются, они по-разному привязаны к территориям (есть районы киригсуров, не занятые плиточными могилами), для сооружения первых требуется больше труда, для вторых — больше котлов и лошадей. Первые являлись церемониальными сооружениями, вторые — погребениями.

Жак-Люк Уль является автором статьи «Социальные интегративные возможности и возникновение социальной сложности в монгольских степях», где весьма поверхностно рассматривает все отмеченные категории памятников. Единственное заметное высказывание его — это возражение против «гипотезы зависимости». Гипотеза эта гласит, что пастушеские общества не могли создать сложную социальную структуру без опоры на земледельческих соседей и оставались эгалитарными. Уль считает, что монгольская степь опровергает эту гипотезу, потому что существование нескольких категорий каменных сооружений говорит о социальном неравенстве. Плиточные могилы принадлежали элите, наклонные — рядовому населению, оленные камни — шаманам-вождям, киригсуры — церемониальные центры.

Уильям Фитцхью сопоставляет именно оленные камни с киригсурами в статье «Прескифский церемониализм, искусство оленных камней и культурная

интенсификация в Северной Монголии». Киригсуры и оленные камни образуют основной ландшафт Монголии, но те и другие не дают человеческих останков и поэтому считаются церемониальными. Фитцхью опирается на недавние полевые исследования Тахакамы из японского университета Каназава. Обследование киригсуров дало даты 1030–820 гг. до н. э. и добыло остатки 1700 коней. Оленные камни с изображениями оленей на всех четырех гранях стелы, с дисками солнца или луны сверху и воинским поясом и оружием снизу, явно связаны с культом оленя. Космогонические изображения на них напоминают татуировку и позволяют считать эти стелы изображениями вождей-шаманов. Часто они приурочены к большим киригсурам — это говорит о почитании вождей. Все эти категории памятников относятся к одной и той же культуре.

Таким образом, большей частью социальные характеристики пастушеских обществ остаются в этом сборнике прокламированными как цель, но невыявленными и лишь местами намеченными. С другой стороны, чисто археологические характеристики часто игнорируются или рассматриваются порознь, отдельными фрагментами, вне археологических систем. Это потому, что большей частью авторы придерживаются модного на Западе нацеливания археологии на непосредственное решение исторических и социально-политических проблем. Тенденция эта весьма напоминает установку советской археологии на уподобление истории (быть историей с лопатой) — в угоду этой установке из публикаций исчезали описание и анализ материала (заклейменные как «голое вещеведение»), исчезали типы и культуры, непременно подавалась взамен и сразу «история племен» (Клейн 1991; Klejn 1993; Esparza Arroyo 1996). Вот и в сборнике каждая статья непременно претендует на решение проблем социальной истории. А достаточно ли проработан археологический материал? Американские археологи стесняются того, что они археологи, они желают быть историками и социологами (социальными антропологами) или никем. Между тем, для истории и преистории материал должен сначала пройти источниковедческую проработку в археологии, а для истории и преистории нужны совсем другие методы интерпретации.

Кроме того, наблюдая обучение в английских и американских университетах, я заметил, что обучение значительно (на два года) короче, чем в континентально-европейских, и каждый триместр короче наших семестров. Поэтому курсовые работы студентам даются очень маленькие, основанные на небольшом материале. Студенты привыкают решать научные проблемы на узкой фактической базе. Эту установку они сохраняют и войдя в науку. Соответственно, в американской и английской археологии очень распространен «экземплярный» подход — исследователи часто берут небольшой изолированный фрагмент материала, одну вещь, одну категорию, один памятник, один экземпляр, и на основании его изучения строят (высасывают из него) очень широкие выводы, возводят высокие теории. Поэтому в сборнике, сколь бы узок ни был материал, каждая статья непременно претендует на взятие теоретических высот. Автор перепрыгивает сразу от артефактов к социально-экономическим и социально-политическим процессам — естественно, получаются очень бедные и поверхностные выводы. А весь сборник назван «Социальная сложность...», имеются в виду социальные структуры, институции, отношения. Тем не менее там нет социальных структур!

Наконец, именно в английской и американской археологии давно поставлено под сомнение существование культур, эпох, да и типов. Это приводит к тому, что исследователи делают основной единицей изучения памятник или слой и рассматривают его на фоне всей совокупности материала и культурной ткани обширного региона. Я отнюдь не призываю вернуться к племени и вождеству, это не более чем схема, как и военная демократия или высшая ступень варварства. Впрочем, каждый из этих ярлычков отражал какие-то свойства материала и группировки в нем. Но культуры наглядны, есть очевидные типы, а другие реальны на определенных условиях. Материал должен быть систематизирован и источниковедчески проработан, прежде чем послужить в истории для исторических выводов.

При всей спорности некоторых положений работа Н. Е. Черных выделяется из сборника широтой охвата и полнотой проработки материала, фундаментальностью археологической базы для социоисторических выводов. Она более понятна континентально-европейским археологам. Если бы составители сборника поставили перед собой более скромные задачи, выводы были бы гораздо солиднее и строже. А для тех задач, которые они поставили, нужен гораздо более обширный и разнообразный материал (не только археологический) и требуются методы социоисторического синтеза.

Литература

- Клейн Л. С.* 1991. Рассечь кентавра. О соотношении археологии с историей в советской традиции // Вопросы истории естествознания и техники 4. 3–12.
- Пустовалов С. Ж.* 1995. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим материалам // Древности Степного Причерноморья и Крыма 5. 21–32.
- Пустовалов С. Ж.* Ямная общность и катакомбная общность: последовательная мена во времени или сосуществование // Проблемы археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, вид-во Дніпропетровського ун-та. 95–105.
- Пустовалов С. Ж.* 2005. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях.
- Klejn L. S.* 1967. Reiche Katakombengraber // Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift 8. 210–234.
- Klejn L. S.* 1993. To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // Antiquity 67. 339–348.
- Esparza Arroyo Á.* 1996. Por la distinción entre la prehistoria y la arqueología // Complutum Extra 6. 13–34.